

63.3(2 Рос-4Пер)
КР П36

С. Т. Пугачев

ВЕРХНЕКАМСКИЙ ПОЛК

21 IV 95

A hand-drawn diagram of a table. It features a header row at the top, followed by a grid of 10 rows and 4 columns. A small circle is drawn in the first cell of the 9th row.

○			

✓

9(с)22 + 9(с)17)
П - 36

С. Г. ПИЧУГОВ

ВЕРХНЕКАМСКИЙ ПОЛК

30 598 9 19

✓

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. ПЕРМЬ - 1958 г.

Муниципальная библиотека
Очерского района

О Т А В Т О Р А

„Верхнекамский полк“—это небольшой отрывок из моих воспоминаний о гражданской войне на Урале, в котором я старался нарисовать картину возникновения и боевых действий первых советских полков в Прикамье.

Воспоминания не претендуют на полноту изложения: я пишу только о тех событиях, участником и очевидцем которых был сам.

Буду рад, если мои воспоминания в какой-то мере познакомят нашу молодежь с тем временем, когда их отцы и деды в кровавой борьбе завоевывали право быть хозяевами своей Родины.

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 3-Й АРМИИ

Осенью 1918 года белые стали стягивать к Перми свои лучшие части, ставя своей целью прорыв к Вятке и Котласу для соединения с интервентами и белогвардейцами, находившимися на севере России.

Части 3-й армии были измотаны непрерывными боями. Отсутствие резервов, плохое снабжение, слабое вооружение, необеспеченность тыла, открытый для обхода фланг на севере и не всегда оперативная работа штабов сильно сказывались на боеспособности наших войск.

Однако, несмотря на тяжелое положение 3-й армии, бойцы ее героически сдерживали противника, отвлекали на себя его большие силы и тем способствовали боевым действиям других армий Восточного фронта.

В декабре 1918 года, используя свое численное превосходство, белые потеснили части 3-й армии к Перми.

«Измученные шестимесячными боями,—писал в своем дневнике начдив 29-й Макар Васильевич Васильев,—мы отступаем в тридцатипятиградусные декабрьские морозы. Нет продовольствия. Я, начальник дивизии, три недели питаюсь селедкой и ржаным хлебом. Бойцы размалывают овес и делают лепешки из овсянки. Идем сплошным лесом, без дорог, полураздетые, отчаянно отбиваясь от наседающего противника».

В конце декабря белые захватили завод Лысьву и стремительным ударом перерезали Горнозаводскую линию Пермской железной дороги у станции Калино. Положение 3-й армии резко ухудшилось: ее полки, действовавшие на Кушвинском направлении (4-й Уральский, 21-й Мусульманский, 22-й стрелковый), оказались отрезанными от основных сил армии. Даже связь с ними была потеряна.

Лишенные возможности пробиться к Перми для соединения с основными силами армии, эти полки, чтобы избежать окружения, устремились по Луньевской ветке в сторону Кизела и Усоляя.

НОЖ В СПИНУ

В эти тревожные дни я, по распоряжению начдива товарища Васильева, находился в Чусовой, временно исполняя обязанности начальника гарнизона. Накануне прорыва белых у станции Калино на мое имя пришла от него краткая телеграмма: «Принять от Мировича 22-й полк». Однако, где находился Мирович с полком, я не знал. И только на следующий день, когда Чусовая была уже отрезана от Перми и связь с дивизией прервана, мне удалось установить, что 22-й полк, погрузившись в вагоны на станции Теплая гора, поспешно отходит к Чусовой.

В Чусовой случайно оказались мои однопольчане по 1-му Горному полку: бывший адъютант полка Нестеров и старый конник разведчик дядя Вася (так его звали все, под этим именем он и сохранился в моей памяти). Тут же была и моя жена Катя Истокская, медсестра 1-го Горного полка. Этим людям можно было поручить любое дело, поэтому я и предложил им пойти со мной в новый полк. Они охотно согласились.

На вторые сутки 22-й полк прибыл в Чусовую. Я разыскал Мировича в штабном вагоне и предъявил ему телеграмму начдива. Взглянув на нее, он с минуту стоял молча, а потом медленно, как бы выдавливая из себя слова, сказал:

—Я думаю, что вы, товарищ Пичугов, не согласитесь принимать полк без хозчасти и обоза.

—Как без хозчасти и обоза? Куда же они девались? — спросил я, озадаченный таким заявлением.

В ответ Мирович только безнадежно махнул рукой. Со стороны фронта слышались довольно частые артиллерийские выстрелы, и отдельные снаряды противника уже рвались недалеко от станции.

—Вы один?—спросил Мирович после небольшой паузы.

—Нет. Со мной еще три человека и лошади.

—Давайте в эшелон, место в вагонах найдется,—торопливо сказал он.—А людей можно сюда, в штабной.

Вскоре эшелон медленно пополз в сторону Кизела. Когда благополучно миновали полосу артиллерийского обстрела, Мирович, негодуя, сказал мне, что хозяйственная часть и обозы 22-го полка, подстрекаемые кулацкими элементами, переметнулись к белым.

—Проглядели. Все хозяйство полка оказалось в руках кулаков, вот они и сыграли с нами такую подлость. Да у нас и в строевых подразделениях неважно... Кроме того, у меня пока нет никаких сведений о 2-м батальоне, который ушел раньше, с другим эшелоном. Говорят, что он проскочил на север, к Усолю. Насколько это верно, не знаю. Так что сдавать-то пока и нечего,—сокрушенно закончил Мирович.

Слушая рассказ Мировича, я невольно подумал: «А что если кулаки и в строевых подразделениях сумеют повернуть людей в свою сторону?».

Полк без хозяйственной части—это не полк, да и второй батальон неизвестно где. Принимать, действительно, было нечего. Кроме того, в условиях отступления замена командира полка, который знал личный состав, была бы неправильным решением. Поэтому мы решили передачу полка не производить, пока не будет восстановлена связь с дивизией. Комиссар полка товарищ Смирнов одобрил наше решение.

Когда полк прибыл на станцию Губаха, мы с комиссаром пошли в поселковый Совет, чтобы достать для полка продовольствие. Председатель Совета Чинин, выслушав нас, сказал, невесело усмехаясь.

—Мы уж давно вместо хлеба жмыхи едим, да и то в ограниченном количестве. И так до самого Усолья.

Вернувшись к эшелону с пустыми руками, мы передали Мировичу нашу беседу с Чининым. После этого решено было не забираться дальше на север в голодный район, а выгрузиться здесь и на соединение с дивизией идти походным порядком через прикамский хлебный район.

Первый большой привал с ночлегом мы сделали в деревне Шестаки. Она действительно оказалась хлебной, наши мужички, одетые в серые шинели, быстро нашли общий язык с хозяевами и поели неплохо. Но все же настроение в ротах было какое-то тревожное.

На следующий день, еще до рассвета, полк двинулся дальше к деревне Красной, где и предполагалось сделать следующий большой привал.

У меня была отдельная подвода, кроме того, я находился не у дел, а поэтому мы покинули место ночлега примерно часа на три позже полка. Мы с Катей ехали на подводе, а Нестеров и дядя Вася были на верховых лошадях.

Когда до деревни Красной осталось несколько километров, Нестеров и дядя Вася ускакали вперед, чтобы подготовить квартиру.

Наша подвода уже приближалась к поскотине деревни Красной, и вдруг я увидел бегущего нам навстречу командира полка Мировича. Он был без шинели, в одном френче.

Поровнявшись с нами, Мирович схватил мою винтовку, лежавшую на подводе, и крикнул на бегу:

—Спасайтесь! Нас предали!

Я понял, что произошло что-то непоправимое, и крикнул вознице:

—Заворачивай!

Тот стал поворачивать, но лошадь, как назло, завязла в снегу, и сани перегородили дорогу. Тут из деревни показались какие-то всадники. Они быстро приближались, громко крича:

—Стой! Стой, командир полка! Все равно догоним!

Когда всадники поравнялись с нами, под одним из них я узнал лошадь дяди Васи, и сердце мое тоскливо сжалось. Объехать подводу они не могли, так как снег был очень глубокий, а поэтому, ругаясь, соскочили с коней, толкнули наши сани с дороги в снег и возобновили погоню. Мирович в это время уже скрылся за поворотом дороги. Мы поняли, что медлить нельзя ни минуты и, оставив подводчика возиться с лошадью, пошли, чтобы не вызвать подозрений, сначала в сторону деревни Красной, а потом, видя, что за нами никто не наблюдает, свернули в лес по какой-то малонаезженной дороге. Пройдя километра два по ней, мы уперлись в остожье. Дальше дороги не было. Попытались пойти целиной, но снег был так глубокий, что мы проваливались в него по грудь. Все же мы продвинулись еще с полкилометра вглубь леса. Скоро под ногами захлюпала вода. Это было незамерзшее болото. Идти дальше невозможно. Мы выбились из сил. Но и в болоте нельзя было оставаться. Кое-как выбрались на сухое место и, утрамбовав вокруг себя ногами снег, сделали что-то вроде снежного окопа. Здесь и решили дожидаться ночи.

Уже вечером, сидя в своем укрытии, мы слышали ружейные залпы и догадались, что это расстреливали коммунистов нашего полка.

Так погибли лучшие наши товарищи. И произошло это лишь потому, что 22-й полк был укомплектован без должного классового отбора. В него вошло много кулацких сынков и зажиточных крестьян, которые шли на поводу у кулачества. Кроме того, командовали этими людьми бывшие офицеры, многие из которых еще не разобрались в событиях или были настроены антисоветски.

К СВОИМ

Когда наступила ночь, мы вышли из своего снежного укрытия и решили пробраться обратно на станцию Губаха, надеясь найти там отходящие части или местный советский отряд.

Намокшая в болоте обувь застыла, и идти было тяжело, но мы все же дошли до деревни, которая находилась километрах в трех от Шестаков. Обойти ее у нас уже не было сил. Войдя в деревню, мы натолкнулись на местный патруль, и только штатская одежда, которую я приобрел в Чусовой,

помогла нам уверить патрульных в том, что мы железнодорожники, уведенные насильно красными, и возвращаемся к себе домой. Дальше двигаться мы совсем не могли и с разрешения патруля стали проситься на ночлег. Никто не пускал нас. Только в крайней бедняцкой избенке, врытой наполовину в землю, нас пустили переночевать. Мы настолько замерзли, устали и обрадовались, что забыли всякую осторожность, сбросили с себя тяжелые намокшие шубы, и тут хозяин, обратив внимание на наши гимнастерки, видимо, догадался, кто мы. Расспрашивать он не стал, но сказал, что не одобряет восставших, и дал нам последнюю краюху хлеба.

Рано утром, еще до рассвета, хозяин разбудил нас и посоветовал уйти пораньше, пока все спят.

К деревне Шестаки мы подошли на рассвете и, по совету нашего хозяина, попытались обойти ее, но у перекрестка натолкнулись на патруль. На этот раз не помогла и ссылка на то, что мы железнодорожники. В Губаху нас не пустили и предложили пожить в деревне Шестаки. Мы сделали вид, будто согласны с решением патруля, повернули к деревне, но, как только за нами перестали следить, опять свернули с дороги и начали искать другой путь в Губаху. Теперь нам повезло: по глубокому снегу мы обошли деревню.

Ближе к вечеру мы вдруг услышали людские голоса. «Погоня!»—подумал я.

Спрятавшись за толстые стволы сосен, мы стали прислушиваться. Тревога оказалась напрасной: это возвращались в Губаху жены шахтеров. Мы присоединились к ним и поздним вечером пришли на станцию Губаха, где и заночевали в домике какого-то портного.

На следующий день, еще в темноте, мы вышли на линию железной дороги и пошли по шпалам на станцию Половинка. Усталые и голодные, мы еле брели по полотну. И вдруг, когда наши силы были уже на исходе, раздался грозный окрик:

—Стой! Кто идет?

Мы остановились. Из-за куста выступил человек, одетый в полушубок. Красная лента на его заячьей шапке сразу показала, что мы наконец-то попали к своим. От радости мы готовы были броситься к часовому и расцеловать его.

—Свои! Свои!—закричал я, но часовой повелительно сказал:

—Пропуск!

Но это было не страшно, а даже приятно.

—Пропуска не знаем, води нас к начальнику,—сказал я.

На станции Половинка находился Кизеловский отряд, которым командовал Анатолий Николаевич Королев. К нему-то нас и привел часовой. Когда я отрекомендовался, назвал себя бывшим командиром 1-го Горного Советского полка и рассказал коротко, как мы сюда попали, Королев опустил голову и задумался. Видно было, что он колебался, не мог решить—верить ли моему рассказу? Ведь документов у нас с собой никаких не было. После некоторого раздумья Королев спросил, знаком ли я с командиром 21-го Мусульманского полка Федоровским. Я заявил, что хорошо знаю его.

Поручив охране внимательно следить за нами, Королев ушел на телеграф для переговоров с Федоровским, который со штабом своего полка находился на станции Кизел.

Штаб отряда товарища Королева, в котором он нас оставил, размещался в одной из теплушек. Посредине вагона жарко топилась чугунная печурка. Возле нее возился молодой паренек, одетый в полушубок и опоясанный патронташем. Он пек картошку и тут же ел ее. Мы искренне завидовали ему и с жадностью смотрели на картошку.

Примерно через полчаса вернулся товарищ Королев и полушутя сказал, показав пальцем на шрам, пересекавший мою щеку:

—Ваше счастье, товарищ Пичугов, что у вас имеется такая хорошая примета. Она помогла установить вашу личность.

Его лицо стало мягким и добрым. Потом, увидев у печки картошку, которая предназначалась, вероятно, для него, любезно предложил ее нам. Поблагодарив Королева, мы без всяких церемоний принялись за желанный и долгожданный обед. Мне кажется, что никогда в жизни я не ел такой вкусной печеной картошки.

Вскоре на Половинку прибыл отдельный паровоз, и на нем мы уехали в Кизел к Федоровскому.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ 22-ГО КИЗЕЛОВСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА

В Кизеле я встретился с командиром 21-го Мусульманского полка товарищем Федоровским, который подробно ознакомил меня с положением дел на Кизеловском направле-

нии. Он с тревогой сообщил мне, что у него нет никакой связи с частями 3-й армии, и поэтому, что делается на пермском направлении, он не знает.

—Надо брать на себя полную ответственность и действовать пока совершенно самостоятельно,—сказал он.—Я решил объявить себя начальником всего Кизеловского направления и срочно объединить все разрозненные отряды, которые сейчас на станции Яйва. Ты завтра же поезжай на станцию Яйва и начинай формировать полк. Назначаю тебя его командиром.

—Как же это я сделаю? Меня там никто не знает,—сказал я.

—Тогда мы поедем завтра вместе, соберем совещание, и там я объявлю об этом,—подумав, сказал Федоровский.

Утром мы приехали на станцию Яйва. На совещание были приглашены все командиры ближайших добровольческих отрядов, а также руководители Кизеловского района: председатель райкома А. А. Калашников, председатель исполкома М. И. Миков, председатель парткома С. П. Кесарев, военный комиссар Кизела Евлогиев, военрук С. Н. Удников, представитель парткома по формированию Ф. А. Южаков и другие. Народу было так много, что штабной вагон оказался тесен. В вагоне было тепло, но никто не раздевался.

Федоровский коротко обрисовал обстановку на фронте и сразу перешел к тому, что теперь воевать разрозненными отрядами невозможно, что сейчас, более чем когда-либо нужны организованность, дисциплина и единство действий. Он тут же заявил, что из всех разрозненных отрядов, находящихся в районе Кизела, нужно сформировать полк.

Никто против такой постановки вопроса не возражал. На этом же совещании было решено полк назвать 22-м Кизеловским полком. Кто-то из кизеловцев спросил:

—Почему 22-й?

Федоровский ответил:

—Как уже известно, есть 21-й Мусульманский полк, а следующий порядковый номер 22-й.

Кизеловцы удовлетворились ответом. Если бы они в это время знали об измене 22-го стрелкового полка, думаю, что их трудно было бы убедить взять этот номер.

На этом же совещании Федоровский объявил, что командиром полка он назначает меня, и начал расписывать мои заслуги и опыт. Потом Федоровский предложил самим кизеловцам выдвинуть кандидатов на должность комиссара полка и помощника командира полка. Комиссаром был назначен председатель Кизеловского городского Совета М. И. Миков, а помощником командира полка—командир кизеловского отряда А. Н. Королев.

Таким образом, подставив мне две «подпорки», кизеловцы согласились с моим назначением, и я срочно приступил к формированию полка. В отрядах это мероприятие одобрили. Одно название «полк» уже рождало у людей какую-то уверенность в своих силах. Большинство командиров отрядов, которые пользовались уважением и доверием своих бойцов, были назначены командирами рот и разных команд, а более крупные отряды были переименованы в роты.

Многие командиры производили хорошее впечатление. Подкупал своей расторопностью, находчивостью и знанием дела военрук кизеловского военкомата Удников, который стал командиром батальона; командир Нейвинского отряда Елунин, назначенный командиром 2-й роты, отличался простотой и выдержкой; питерский рабочий Прохор Монич поражал невозмутимым спокойствием и величавой медлительностью. Приятели о нем шутя говорили: «Пока Прохор раскачается, война может кончиться». Пользовался всеобщим уважением среди бойцов и командиров старый солдат, вернее старший унтер, заботливый хлопотун Южаков Филипп Александрович, которому ранее было поручено формирование кизеловских отрядов.

Познакомившись ближе с подразделениями полка, я убедился, что мой помощник товарищ Королев пользуется большой популярностью среди личного состава полка. Ко мне же, как к новому человеку, они относились настороженно. У них не было той веры в нового командира полка, которая заставляет людей, не задумываясь, повиноваться и, если нужно, идти на смерть. Из этих наблюдений я сделал вывод, что лучше, если командиром полка будет Королев. Как раз в это время меня вызвали в штаб Федоровского. Передав командование полком Королеву, я поехал туда.

Штаб Федоровского в это время переместился дальше, к Усолю, и стоял, кажется, на предпоследней от него станции.

Когда я прибыл к Федоровскому, он принял меня как-то особенно внимательно. И в то же время было заметно, что он почему-то медлит и не решается говорить о том, зачем он меня вызвал. Наконец, не без некоторого смущения и замешательства, он сказал, что решил переименовать штаб боевого участка в штаб дивизии, а мне предложил занять должность помощника начальника дивизии. Я заявил, что не одобряю этой затеи, от новой должности отказался, а заодно сообщил Федоровскому и о своем решении передать полк Королеву.

В этот же день я уехал в Дедюхино к товарищу Дидковскому.

РОЖДЕНИЕ 23-го ВЕРХНЕКАМСКОГО ПОЛКА

На самом левом фланге 3-й армии и всего Восточного фронта, как бы прикрывая его с севера, действовали местные добровольческие отряды под общим руководством инженера-геолога, члена Уральского областного Совета товарища Дидковского Бориса Владимировича. Все эти отряды носили громкое название «Северные советские войска», а штаб Дидковского именовался штабом Северных советских войск.

Товарищ Дидковский был человеком сугубо штатским. Среди его помощников также не было ни одного мало-мальски опытного военного специалиста, поэтому он очень обрадовался моему приезду и предложил мне работать в его штабе военным руководителем. Я согласился.

Ознакомившись с обстановкой, я увидел, что отряды действовали самостоятельно, на свой страх и риск, не имея связи друг с другом и почти не согласовывая своих действий; командиры отрядов в большинстве своем были людьми хорошими, волевыми, пользовались авторитетом и доверием у своих бойцов; рядовой состав в массе своей был надежный, преданный Советской власти, но с дисциплиной не дружил; все держалось только на авторитете командира.

С раздробленностью и партизанщиной нужно было покончить. Дидковский согласился с моими доводами, и мы решили все отряды объединить в полк. А так как в отрядах преобладали жители с верховьев реки Камы, полк назвали Верхнекамским. Номер взяли 23-й.

Так возникли на севере 22-й Кизеловский и 23-й Верхнекамский полки. Я стал командиром полка, а Дидковский — комиссаром. Полк имел сначала только два батальона, в каждом из них — по две роты. Первый батальон возглавил командир Верхкозьвинского отряда Дудырев, мой сослуживец по старой армии, которого я встретил здесь совершенно неожиданно. Дудырев — выходец из трудовой семьи. В первую мировую войну за боевые отличия он был награжден георгиевским крестом всех четырех степеней, потом получил чин офицера и закончил войну, кажется, поручиком. Лучшего командира батальона трудно было найти в то время. К тому же основой 1-го батальона являлся Верхкозьвинский отряд, в котором было много коммунистов из Кизела, Губахи и других угольных копей. Этот отряд имел уже большой боевой опыт, который он получил, защищая Уральский перевал.

Второй батальон был сформирован в районе села Косы, когда мы соединились с чердынцами. Командиром его назначили бывшего командира Чердынского отряда Покровского. Это был человек, обладавший большой силой воли, очень развитый по тому времени, хорошо грамотный. Командирами рот были назначены: Монсеев — смелый решительный командир, но в то же время большой «партизан»; Панов — командир Соликамского отряда, умный, вдумчивый человек; Соловьев — командир-самородок, пользовавшийся большой любовью своих людей; Вожаков, который погиб в бою под деревней Петухи. Адъютантом полка стал товарищ Захаров, бывший начштаба у Дидковского. Начальником пешей разведки, вернее лыжной команды, был назначен товарищ Меньшиков, охотник с севера, прекрасный лыжник и отличный стрелок. Обязанности заведующего хозяйством полка поручили исполнять инженеру-геологу Дмитриеву, неугомонному изобретателю и выдумщику. Он пытался даже организовать у нас кустарное производство ручных гранат, но при случайном взрыве одной из них ему оторвало пальцы обеих рук.

Нужда в ручных гранатах действительно была очень большая, да и не только в гранатах. Вооружение у нас было самое разнокалиберное, вплоть до охотничьих ружей. На весь полк мы имели только один ручной пулемет системы «Люис». Патронов тоже было мало. Берегли их как зеницу ока и расходовали в исключительных случаях. В борьбе с противником предпочитали внезапный налет и штык.

Начальником связи полка назначили Яковкина. Он оказался находчивым человеком и использовал для связи не только четыре полевых телефона, что имелись у нас, но и подводы, всадников, лыжников, охотников и даже костры.

Организовали и свою санитарную часть. Начальником ее был старый опытный врач Копылов, самый старей человек в полку и, пожалуй, самый уважаемый.

Партийной организацией полка руководил бывший ветеринарный фельдшер Петраков. Парторганизация в полку была сравнительно большой и влиятельной.

В то горячее и тревожное время не было единых партийных билетов. Насколько я помню, наши партийные билеты были из плотного темно-синего картона. Простые, но дорогие сердцу книжечки! Они говорили о принадлежности к стальной когорте великой партии коммунистов. К сожалению, память моя не сохранила многих больших и малых подвигов, совершенных героями-коммунистами. Дело в том, что героизм бойцов носил массовый и, я бы сказал, какой-то обыденный характер.

ОТХОД

Формирование 23-го Верхнекамского полка проходило в тяжелой боевой обстановке: с фронта нас теснили хорошо вооруженные Антантой регулярные части 1-й Сибирской дивизии, а в тылу притаились с обрезам в руках кулаки.

И вот в конце декабря, после ряда боев с превосходящими силами противника, мы оставили Усолье, Дедюхино, Соликамск и начали отход на Вятку. Отступая с боями по Кайгородскому тракту к Косе, мы прикрывали огромные обозы с государственным имуществом эвакуированных Советов из Соликамска, Березников, Усожья и со стороны Чердыни. Обозы тянулись длинными вереницами по всем дорогам от Чердыни до Юкеева и от Соликамска до Косы и дальше на Юм, Юрлу и Афанасьево.

Когда обозы с севера прошли Косу, мы круто повернули на юг и начали двигаться уже на Юм, Юрлу и Белоево. Все время мы вели бои с наседавшим на нас 18-м Тобольским полком белых.

Каково было в это время положение на главном направлении 3-й армии и где проходила новая линия фронта, мы не знали. До нас доходили только очень смутные слухи о том, что Пермь оставлена частями Красной Армии.

22-й Кизеловский полк начал отход из Усолья одновременно с нами, но он двигался не на запад, как мы, а на юг — вниз по Каме в направлении сел Орел, Пожва, Майкор, Купрос. Маршруты 22-го и 23-го полков с каждым днем все больше удалялись друг от друга, и когда мы достигли селения Юкseeво, расстояние между нашими полками было около 150 километров.

Двигались мы на мобилизованных крестьянских подводах. Многие подводчики заехали более чем за сотню километров от дома, и некоторые из них, сочувствовавшие нам, уже считали себя бойцами полка. Их мы зачисляли на все виды довольствия и даже кое-чем вооружали. Но были и такие, которые при первом удобном случае старались удрать от нас, даже бросив лошадей и подводы. Другие же ухитрялись бежать вместе с лошадьми и подводами. Так, например, из селения Коса сразу ушло 10 человек, и трое из них — с подводами.

Когда подводчик удирает один без лошади, ему не препятствовали и даже шутя говорили: «Баба с воза — кобыле легче».

Эту подводу бойцы обычно брали на свое попечение и считали ротной. Таких подвод в полку было около сотни. И все-таки у нас не хватало подвод: ведь на каждых трех-четырех бойцов надо было иметь отдельную подводу. Население тех деревень, через которые мы отступали, относилось к нам холодно, с какой-то опаской. Когда нам удавалось вызвать крестьян на откровенность, они отвечали примерно так: «Советская власть нам нужна, она нам дала землю, но коммуния — это плохо: ложка и та не своя».

Сознательная часть деревни, в первую очередь коммунисты, еще раньше ушли добровольно в Красную Армию, и поэтому кулак снова почувствовал себя хозяином положения. Этому способствовали и троцкисты, которые не хотели видеть разницы между кулаком и середняком.

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ В ЮРЛЕ

На 5-й или 6-й день после нашего отступления из Усолья мы остановились в селе Юм, чтобы дать очередной бой нападавшему противнику.

Второй батальон под руководством комбата Покровского занял позицию на северной окраине села и начал строить вре-

менные укрепления. Первый батальон был выведен в резерв и размещен по квартирам в южной части селения. Штаб полка разместился в поповском доме, недалеко от церкви.

День уже клонился к вечеру, когда я возвращался с участка второго батальона и у штаба полка заметил особенную оживленность, скопление всадников и незнакомых людей.

«Что бы это могло быть?»—подумал я, въезжая во двор штаба.

Там меня встретил комиссар Дидковский.

—Поздравляю, товарищ Пичугов!—весело сказал он.—Теперь мы не одни. Восстановлена связь со штабом 29-й дивизии и по фронту с 22-м полком,—при этом он показал мне рукой на стоящего невдалеке крепкого, красивого мужчину лет 30, одетого в хорошо сшитую бекешу защитного цвета. Это был комиссар 29-й дивизии Борчанинов. Около него стояли незнакомые бойцы, одетые в новенькие полушубки и заячьи папахи. Дидковский сказал мне, что это конники 22-го Кизеловского полка, прибывшие к нам для связи.

—Не легко было к вам добраться,—подойдя ко мне и протягивая руку, сказал Борчанинов.—Мы знали, что на севере есть отряды, но не ожидали встретить тут полк. Молодцы, спасибо вам!—добавил он, крепко пожимая мне руку.

Оживленно разговаривая, мы прошли в штаб, где Борчанинов объявил нам, что наш полк вместе с 22-м Кизеловским и 21-м Мусульманским полками войдет в состав 5-й бригады 29-й дивизии. Он сообщил также, что командиром 5-й бригады временно назначен Кичигин.

Обменявшись информацией, мы долго вели дружескую беседу. От Борчанинова мы узнали, что Пермь оставлена частями Красной Армии еще 25 декабря, то есть в тот момент, когда мы начали отход из Усолья.

Уже поздно вечером в штаб пришел Тунтул, член Уральского областного Совета. Мы заметили, что он был очень бледен и чем-то встревожен. Убедившись, что нет посторонних, он почти шепотом сообщил нам, что в селении Юрла, где размещался временно Чердынский военкомат, вспыхнуло вооруженное восстание, что восставшие захватили склад оружия и ведут бой с советскими работниками, забаррикадовавшимися в Совете. Сведения эти, как сообщил Тунтул, привез ускользнувший из Юрлы один из сотрудников военкомата.

— В достоверности этих сведений я не сомневаюсь, — закончил Тунтул.

Весть о восстании была неожиданной и крайне неприятной. Дело в том, что село Юрла находилось в нашем тылу, всего в полутора десятках километров от Юма.

Тут же решили 1-й батальон во главе с комбатом Дудыревым и команду пеших разведчиков Меньшикова двинуть немедленно на Юрлу для ликвидации вооруженного восстания, а второй батальон оставить в Юме, на его прежней позиции.

Дидковский и Борчанинов быстро организовали летучее совещание с коммунистами 1-го батальона. Потом все отправились в роты, где провели краткие беседы с красноармейцами. В полночь Дудырев с батальоном и лыжной командой выступили на Юрлу.

Повстанцы, видимо, были кем-то предупреждены и готовились к встрече: они сумели за ночь построить снежные окопы и сильно полили их водой. Кроме того, перед окопами они набросали бороны вверх зубьями, а местами сделали даже засеки. На рассвете, когда наш батальон приблизился к северо-западной окраине села, он попал под сильный ружейный огонь повстанцев.

Встретив такое организованное сопротивление, Дудырев решил немного изменить тактику: приостановив наступление с фронта, он послал лыжную команду в обход лесом, чтобы она ударила с тыла. Повстанцы нападения оттуда не ожидали, и поэтому удар наших лыжников с тыла вызвал панику.

Заняв Юрлу, мы установили, что уездный чердынский военком Апога-младший и еще 9 сотрудников военкомата были зверски убиты кулаками, а остальная часть советских работников, засевшая в каменном здании Совета, продержалась до нашего прихода и таким образом уцелела.

НОВЫЙ КОМИССАР ПОЛКА

В Юрле мы стояли всего два или три дня. Здесь нас и застал новый комиссар полка Сергей Петрович Кесарев (Дидковский уехал в Вятку ликвидировать дела по Северу, а позднее был назначен начальником снабжения 3-й армии).

Кесарева я встретил недоверчиво, так как при разговоре он краснел, смущался, как красная девица, и показался мне очень молодым и неопытным.

«Какой же это комиссар?—думал я.—Как он сможет влиять на людей, когда надо будет их вести в бой?» Но потом, познакомившись с товарищем Кесаревым ближе, я убедился, что, несмотря на свою молодость, он уже многое испытал в жизни: с 14 лет начал трудиться, работал на Лысьвенском заводе и на Кизеловских коях, получил хорошую закалку как коммунист, руководя парторганизацией Кизела, и успел получить боевое крещение рядовым бойцом 22-го Кизеловского полка. В нашем полку он скоро стал пользоваться большим авторитетом. Вспоминаю случай, который произошел в селе Белоево, куда мы перешли из Юрлы.

Один боец команды конных разведчиков стащил у белоевского мужичка поросенка. Крестьянин пожаловался комиссару. Вызвали начальника команды разведчиков и предложили ему найти и наказать виновника, а поросенка вернуть хозяину.

—Мои разведчики—не мародеры, это клевета,—ответил обиженный командир.

Решили выстроить всю команду, чтобы крестьянин указал, кто взял поросенка. Начальник команды пришел в бешенство. Крестьянин перепугался и готов был отказаться от своей жалобы, но Кесарев все-таки настоял на том, чтобы команда была выстроена. Крестьянину же он сказал:

—Мы вместе с тобой пойдем вдоль строя. Я буду подходить к каждому бойцу и спрашивать тебя: «Этот?» Ты отвечай на мой вопрос только одним словом: «Нет». Когда же мы подойдем к тому, который утащил поросенка, ты ответишь: «Нет, не он».

Построили команду. Разведчики выражали недовольство, нервничали, атмосфера накалялась, а комиссар спокойно спрашивал, подходя к каждому разведчику.

—Этот?

—Нет,—отвечал крестьянин.

Обошли уже больше половины команды, и вот на очередной вопрос мужик, волнуясь, медленно ответил.

—Нет. Не он.

Комиссар обвел суровым взглядом команду и, обращаясь к крестьянину, сказал:

—Неправда! Поросенка стащил он! Я по глазам вижу,—и, выждав минуту, скомандовал:—Шаг вперед!

Провинившийся медленно шагнул вперед и встал перед комиссаром, опустив голову. Уши его горели. Вначале он, оправдываясь, пытался что-то говорить. Потом, опустив голову еще ниже, еле слышно произнес:

— Виноват, товарищ комиссар! Поросятка верну, он у меня.

Этот случай скоро стал известен всему полку, и больше уже никто не решался скрыть что-нибудь от комиссара.

Вечером комиссар собрал всех коммунистов и сказал:

— Как могло появиться мародерство в команде, где каждый пятый является коммунистом? Как вы могли допустить, чтобы обидели труженика-крестьянина, защитниками которого вы являетесь?

Коммунисты молчали. Они понимали, что им нечего ответить. Правда, кто-то пытался нерешительно возразить, что он, мол, не знал об этом случае, но Кесарев решительно заявил:

— Мы являемся воинами Рабоче-Крестьянской Красной Армии и наш святой долг—защищать рабочих и крестьян не на словах, а на деле. Коммунисты должны показать пример и быть во всем и везде впереди. Не только в бою, а везде! Я думаю, что это всем понятно?

— Да, товарищ комиссар, — почти хором ответили коммунисты.

— Давайте так и условимся, что этот случай последний. А пока можно разойтись.

Облегченно вздохнув, коммунисты стали расходиться.

— Дал жару,—сказал, выходя из избы Симаков.

— Он прав!—ответил ему кто-то.— Действительно, какие же мы защитники будем, если допустим мародерство?

Новый комиссар хорошо сумел организовать и партийную и политическую работу в полку. Он мало сидел в штабе. Любил быть больше среди бойцов и на передовых позициях. Он крепко опирался на массы, и они его хорошо понимали и доверяли ему все свои думы и чаяния.

ПЕРЕЛОМ

В начале февраля 5-я бригада по распоряжению штаба армии была выделена из состава 29-й дивизии и переименована в Особую бригаду 3-й армии.

Позднее эта бригада пополнилась 61-м стрелковым Рыбинским полком, прибывшим из центра, и кавалерийским полком, которым командовал бывший кавалерийский офицер Прокопий Беляев.

Командиром Особой бригады был назначен бывший начальник 29-й дивизии Макар Васильевич Васильев, комиссаром—киселовец М. Н. Миков (комиссар 22-го Киселовского полка), начальником штаба—военспец Мацук.

Комбриг Васильев был опытным и талантливым руководителем. Он, как человек, обладающий большой силой воли и непреклонным характером, сумел подчинить себе самых закоренелых партизанствующих командиров, пользовался огромной популярностью и любовью всего личного состава бригады. С его приходом в бригаде все почувствовали себя как-то увереннее.

Наш 23-й полк занимал участок фронта длиной около 60 километров, и линия обороны его проходила через деревни Касаткино, Руссой, Титова (2-й батальон), Косогор, Енапово и Карасево (1-й батальон). Штаб полка находился в Кудымкаре. За свой правый фланг мы были спокойны: там был 22-й Киселовский полк, штаб которого размещался в селе Купросе. Но левый фланг нам доставлял очень много беспокойства, так как там никого не было, и белые все время стремились обойти нас оттуда. Чтобы попасть в батальон из штаба нашего полка, нужно было проехать не менее 30—40 километров.

На таком растянутом фронте оборону можно было вести только посредством создания отдельных опорных пунктов, расположенных на несколько километров один от другого. Так мы и поступили. Опорные пункты были созданы в селениях. Вокруг них возводились окопы из снега, которые обильно поливались водой. Промежутки между опорными пунктами патрулировались лыжниками, которые даже проникли в глубокий тыл противника, нападали на его обозы и часто возвращались с трофеями и пленными. Это привело к тому, что лыжная команда и ее командир Меньшиков стали пользоваться в полку уважением. Кроме того, каждая рота старалась создать у себя хотя бы небольшую группу лыжников. Началась охота за лыжами. Во многих ротах бойцы сами кустарным способом делали лыжи, а 1-я и 4-я роты привлекли к этому делу местное население и первыми сумели поста-

вить на лыжи всех бойцов. Это дало нам возможность перейти к активной обороне. Роты по собственной инициативе начали совершать лыжные набеги в тыл врага.

Например, командир 1-й роты Моисеев, оставив на участке своей роты небольшой заслон, организовал лыжный рейд со своей ротой по тылам противника. Этот первый лыжный рейд, хотя и самовольный, удался: Моисеев привел с собой пленных и взял богатые трофеи. Вначале мы хотели наказать Моисеева за своеволие, но потом оставили дело без последствий.

Пример Моисеева оказался заразительным. Командир 4-й роты Ф. Г. Копылов повторил почти такой же рейд по тылам белых и взял в плен своего земляка и однофамильца—белого офицера.

Эта активная деятельность, начатая с низов, была поддержана, так как она правильно решала тактическую задачу обороны на растянутом фронте.

В первых числах февраля в наш полк вошел Кувинский отряд под командованием Жиликова, а через несколько дней прибыл отряд Ольшевского. Отряд Ольшевского мы переименовали в 5-ю роту и вместе с Кувинским отрядом, где было много коммунистов, выдвинули на прикрытие нашего левого фланга. Рота эта вошла в состав 2-го батальона, и командиром ее некоторое время оставался Ольшевский. Позднее, когда командира 2-го батальона Покровского назначили начальником полковой школы, Ольшевский принял 2-й батальон, а 5-й ротой стал командовать чердынец Александр Иванович Собянин, показавший себя способным командиром. До этого Собянин работал в продотряде. Когда подошли белые и началась эвакуация Чердыни, он сопровождал обозы с государственным имуществом до Вятки, хорошо справился с этим трудным делом, а потом вернулся в действующую армию.

Левый фланг беспокоил не только нас, но и штаб 3-й армии, так как противник сильно нависал над главными силами армии, действующими в направлении Вятка—Пермь. Штаб все время напоминал нам о значении этого фланга, но сам почти всю зиму ничего не предпринял, чтобы обеспечить его. И только к концу февраля 1919 года нам, наконец, сообщили, что из Вятки в район Кайгорода двинулся крупный лыжный

отряд. Нам было предложено установить с этим отрядом связь. Однако, сколько мы ни пытались связаться с ним, как далеко ни заходили наши лыжники, они никаких признаков отряда не обнаружили.

Ведя активную оборону, наши полки сильно окрепли, приобрели большой боевой опыт борьбы на растянутом фронте. Применяя тактику отдельных укрепленных пунктов и активно действуя подвижными группами лыжников, части нашей Особой бригады сильно измотали 5-ю Сибирскую стрелковую дивизию белых, которая действовала против нас.

Кизеловцы действовали на своем участке не менее активно, и 22-й полк по праву считался в бригаде одним из лучших. Так, они ввели своеобразную систему пополнения полка людским составом: пленных они не отсылали в тыл, а использовали их на строительстве окопсов и других работах, а затем, проведя беседы, пополняли ими свои роты. 23-й полк перенял этот опыт. Это помогло нам численно расти, не получая пополнения из запасных частей. Командование Особой бригады сначала смотрело на это сквозь пальцы, а потом вынуждено было организовать в бригаде запасной полк. Командование запасным полком было поручено бывшему командиру Камышловского полка Некрасову. Опытный командир и хозяйственный человек, он быстро организовал подготовку пополнения.

Плохо у нас обстояло дело с подготовкой младших командиров. И вот, не помню сейчас по чьей инициативе, в наших полках в конце февраля 1919 года возникли полковые школы для подготовки младшего комсостава. Они не только учились, но и часто использовались как ударные группы, как самый надежный и последний резерв командира полка. Кроме того, размещаясь в тылу, на линии обозов второго разряда, они своим присутствием вносили успокоение и уверенность в наши тыловые органы, которые часто страдали от налетов разных банд.

В этот период снабжение нас всеми видами довольствия, несмотря на большую отдаленность бригады от основных баз, значительно улучшилось: мы стали регулярно получать боеприпасы и продовольствие.

В Кудымкаре, где стоял тогда штаб 23-го полка, жизнь была ключом. Развернулась культурно - просветительная и политическая работа. В клубе проводились собрания, поста-

новки, велась и другая работа не только с бойцами, но и с местным населением.

В это время мы отправили из полка сразу двух человек в центр: Сологуб был избран делегатом на 8-й партийный съезд, а помкомандира полка Богданов уехал держать экзамены в военную академию.

Вместо Богданова помощником командира полка был назначен Ольшевский, который сумел сочетать пылкую отвагу с холодным расчетом и ярую ненависть к врагу с разумной выдержкой. Хорошо образованный и тактически грамотный, он был прекрасным помощником, на которого можно было смело положиться в любом деле. Но в полку Ольшевского почему-то недолюбливали, считали его сухим, черствым человеком. Богданов был менее образован, медленнее разбирался в боевой обстановке, но любили его в полку больше, считали его своим, хотя он тоже был офицером старой армии. Когда Богданов уехал из полка, многие искренне жалели об этом.

Вместе с Ольшевским в полк прибыл Давыдов, один из Кизеловских советских работников. Он уезжал в Вятку ликвидировать какие-то дела, но был направлен на фронт. Давыдов принял 2-й батальон после Ольшевского.

ЛИКВИДАЦИЯ ПРОРЫВА НА УЧАСТКЕ 29-Й ДИВИЗИИ

В марте 1919 года белые, сосредоточив значительные силы, вновь перешли в наступление по линии Пермь—Глазов и прорвали фронт на участке 29-й дивизии.

Командарм 3-й товарищ Меженинов приказал комбригу Особой М. В. Васильеву снять с левого фланга бригады 22-й Кизеловский и 23-й Верхнекамский полки и срочно на подводах перебросить их для ликвидации прорыва в район станции Чепца. Остальные части бригады отвели в район верховьев Камы на линию Афанасьевское и Городино.

На четвертые сутки 22-й и 23-й полки прибыли в район прорыва и поступили в распоряжение командира 1-й бригады 29-й стрелковой дивизии бывшего полковника старой армии Андрианова, который почти с ходу направил их в бой: 22-й Кизеловский полк в район станции Чепца, а 23-й в район села Кулиги. Передовые части белых, встретив неожидан-

ное упорное сопротивление наших полков, откатились назад и стали ждать подхода главных сил. За это время нам удалось на северной окраине села Кулиги, используя господствующую возвышенность, организовать хорошую оборону.

Белые, подтянув главные силы, вновь атаковали наши части. Завязались жаркие бои, которые длились несколько дней. Здесь мы применили нашу тактику, выработанную в районе Кудымкара: упорное сопротивление в населенных пунктах и активные действия подвижных лыжных групп, которые легко, особенно ночью, проникали в тылы противника. Эта тактика помогла кизеловцам и верхнекамцам остановить противника и ликвидировать прорыв. Фронт вновь стабилизировался. Обе стороны начали обживать новые позиции, укреплять свои ледяные окопы.

Скоро на смену нам пришли полки 29-й дивизии. Кизеловцев сменил полк Красных орлов, верхнекамцев—волынцы. После этого нас отвели на отдых в Омутнинский завод.

Пока мы ликвидировали прорыв на участке 29-й дивизии, в район села Афанасьевского и Залазнинского завода был послан на усиление левого фланга Особой бригады 10-й Московский полк, только что прибывший из центра. Полк этот состоял в массе своей из московских кустарей. Командный состав—преимущественно мобилизованные офицеры старой армии. Поэтому, несмотря на хорошее вооружение и прекрасное обмундирование, полк оказался мало боеспособным, морально неустойчивым и при первой же встрече с противником восточнее Залазнинского завода он, не выдержав напора белых, в панике начал отходить по дороге на Глазов, оголяя левый фланг 3-й армии и подставляя его под удар. Комбриг Васильев вызвал меня к прямому проводу и, кратко обрисовав обстановку, приказал немедленно выступить с 23-м полком, чтобы прикрыть дорогу, ведущую с Залазнинского завода на Глазов.

—Жаль, товарищ Пичугов, что не дали отдохнуть вашему полку. Но что же делать?—сказал он.—Надо восстановить положение. Желаю успеха!

К концу того же дня мы были в районе деревни Вороны, где и встретили отходящие в беспорядке отдельные группы бойцов 10-го полка. Я приказал коменданту нашего полка задерживать их и собирать в отдельные команды. Потом нам

стали попадаться боевые обозы, новенькие пулеметные двуколки и легкие пушки системы «Гочкис», установленные на санях. При них был даже некоторый запас снарядов.

— Эх! Вот бы нам такое! — мечтательно говорили наши бойцы, а некоторые горячие головы решительно предлагали:

— Чего смотреть? Взять эти пушки и пулеметы в наш полк — и вся недолга. Все равно они отдадут их белым.

Но таксе самоуправство нельзя было разрешить.

Двигаясь дальше, мы встретили штаб 10-го полка. Командир полка и целая свита щегольски по тем временам одетых командиров спокойно ехали нам навстречу. У каждого из них было новое, прекрасно сшитое обмундирование, блестящие, желтые, новенькие ремни и даже термосы для чая.

ОБОРОНА ПОД ЗАЛАЗНОЙ

Преследуя 10-й полк, противник неожиданно напоролся на верхнекамцев, которые, пропустив сквозь свои ряды отступавших бойцов Московского полка, во встречном бою крепко стукнули разошедшихся беляков.

— Это вам не цирюльники, — приговаривали красноармейцы, осыпая белых градом пуль и ругательств.

Как мы вскоре установили, против нас действовала Пермская дивизия белых, созданная вскоре после занятия Перми. В состав этой дивизии входили мобилизованные крестьяне Пермской губернии. Тут был и Чердынский полк, который как раз оказался в это время против нас. И получилось, что с одной стороны белые чердынцы, а с другой — красные. Белые чердынцы большого упорства в наступлении не проявляли и, получив крепко по зубам, немедленно откатились к Залазнинскому заводу. Вскоре разведкой было установлено, что белые начинают лихорадочно укрепляться под Залазной, делая засеки и опутываясь колючей проволокой. Это было признаком того, что от наступления они отказались.

Мы также получили распоряжение укреплять свои позиции. Участок нашего полка здесь был растянут на несколько десятков километров, и мы попытались применить ту же тактику, что и в Кудымкарской обороне.

Однако дело близилось к весне, и наши ледяные окопы под лучами беспощадного весеннего солнца стали оседать и таить. А солдатская лопата еще не брала промерзшую землю.

Мне вспоминается курьезное донесение командира 5-й роты Собянина, в котором он писал: «Солнце припекает, снег тает, и окопы наши убегают вместе с ручьями».

Положение осложнялось еще и тем, что белые начали проявлять активность. Были случаи, когда они ночью проникали к нам в тыл, пробираясь между опорными пунктами. Тогда кто-то из бойцов (кажется, красноармеец 2-й роты Константи Губанов, и предложил в промежутках между подразделениями ставить самодельные мины. Делалось это так: укладывалась на землю ручная граната, а к ее предохранительному кольцу привязывались тонкая проволока или телефонный провод, которые туго натягивались и шли в обе стороны от гранаты параллельно линии фронта. Достаточно было зацепиться за натянутую проволоку, как предохранительное кольцо соскакивало и граната взрывалась. Немедленно с обеих соседних опорных пунктов открывался огонь и затем к месту взрыва устремлялись дежурные взводы, чтобы окружить и изловить появившегося противника. Правда, изловить и окружить не всегда удавалось, но «граната-патруль», как прозвали эти самодельные мины, почти всегда предупреждала о попытке противника пробраться к нам в тыл.

КТО ОКАЗАЛСЯ ХИТРЕЕ

В апреле 1919 года обстановка на фронте Особой бригады стала сравнительно спокойной. На самом левом фланге, почти в тылу у нас, в Омутнинском заводе, по-прежнему располагался 22-й Кизеловский полк. Правее его, уступом вперед, перед Залазной занимал оборону на подступах к Глазову 23-й Верхнекамский полк. Еще правее по фронту располагались 21-й Мусульманский и 61-й Рыбинский полки.

Разрыв между 22-м и 23-м полками был около 30 километров. Он охранялся только подвижными патрулями. Телефонная связь со штабом бригады и между 22-м и 23-м полками проходила недалеко от линии фронта, поэтому она часто портилась противником. Бывали и такие случаи, когда противник включался в нашу телефонную линию и подслушивал наши служебные разговоры.

Надо отдать должное разведывательной службе белых: она была прекрасно осведомлена не только о наших частях, но и хорошо знала фамилии всех командиров и комиссаров полков. Один раз мы даже получили по телефону провока-

ционный приказ, состряпанный белыми. В этом приказе нам от имени командования Особой бригады предлагалось отойти на новые позиции. Но составители этого приказа немного пересолили и этим выдали себя: перед подписью комбрига и комиссара они вставили слово «товарищ». Когда я стал читать приказ-телефонограмму, мне бросилось в глаза это не совсем кстати упомянутое слово «товарищ». В порядке проверки мы позвонили в штаб бригады, но обнаружили, что связь прервана. Тогда я решил посоветоваться с комиссаром полка. Комиссар полка Рычков был человеком в полку новым—его только прислали вместо Кесарева, которого перевели в бригаду. Рычков был у меня шестым комиссаром. Со всеми предыдущими я срабатывался хорошо, а Рычков выше всего ставил свое личное «я». И в этот раз, когда я попросил его зайти в штаб, чтобы обсудить создавшуюся обстановку, он, не выслушав меня, начал возмущаться.

—Я комиссар и вам не подчинен! Вы не имеете права меня вызывать!

Стараясь быть спокойным, я перебил его:

—Я пригласил вас, чтобы посоветоваться. Получен приказ из штаба бригады об отходе. Мне он кажется подозрительным, а проверить нет возможности: линия не работает. Порыв линии произошел вскоре после передачи этого приказа.

Рычков взял телефонограмму, прочел ее и самоуверенно заявил:

—Что же тут подозрительного? Приказ есть приказ. Мы обязаны его выполнять.

—А если это ложный приказ?—спросил я.

—По-вашему, командование лжет? Комиссар бригады подписывает ложные приказы?—горячился Рычков.—Как вы можете не доверять командованию бригады.

—Напрасно горячитесь, товарищ комиссар—сказал я, стараясь не повышать голоса.—Когда связь будет восстановлена, мы проверим приказ. Кроме того, обратите внимание на одну мелочь: при подписях комбрига и военкома вставлено слово «товарищ».

—Это могли перепутать телефонисты,—продолжал упорствовать Рычков.

—Нет, это перепутали не телефонисты, а белые штабисты,—сказал я.

В это время адъютант Подраменский доложил, что связь восстановлена. Я взял трубку и услышал мощный голос Королева, командира 22-го полка.

—Сволочи! Ловко придумали!—закричал он в трубку, когда узнал от меня о лжеприказе.—Меня ведь они тоже пытались угостить подобной стряпней, но я-то мог проверить, у меня связь с бригадой работает исправно.

Рычков был обескуражен.

К концу дня белые решили проверить действие своего приказа и выслали усиленную разведку. Комбаты, заранее предупрежденные и проинструктированные, подготовили красноармейцев. Наши позиции как-будто вымерли. Когда же белые, обманутые тишиной, подошли очень близко, наши ударили так, что мало кто из колчаковцев ушел обратно в Залазну. После этого противник успокоился на целый месяц.

ПЕРЕЛОМ В НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯНСТВА

В апреле вернулся в полк наш делегат VIII съезда партии товарищ Сологуб. Он рассказал о решениях съезда. С этими решениями ознакомили весь личный состав полка.

Некоторые коммунисты стали по собственной инициативе проводить беседы среди крестьян тех деревень, где были расположены наши части. Затем решили, что неплохо было бы провести такие беседы и в деревнях, где не было воинских частей. Среди коммунистов полка нашлись охотники и на это дело. Работа дала хорошие результаты: крестьяне восприняли решения VIII съезда с большим удовлетворением. Им пришлось по душе, что Советская власть и партия коммунистов отделяют середняков от кулачества, считают середняка своим союзником.

НАСТУПЛЕНИЕ

Близился конец апреля. Снежные окопы постепенно сменялись настоящими, земляными. Обстановка на фронте была сравнительно спокойной. Штаб нашего полка, чтобы быть в центре полкового участка обороны, перебравшись из деревни Вороны в деревню Слуцкая. Весной в ротах вместо лыжных команд стали появляться сначала конные связные, потом конные разведывательные группы. Количество подвод уменьшилось до минимума, зато росли конные группы: обозные лошади превращались в верховых.

Отшумели весенние ручьи. Подсохли дороги. И наши и белогвардейские части стали проявлять большую активность. Особенно оживились разведчики. Это говорило о том, что обе стороны готовились к наступлению. Кто же начнет первый?

В одну из майских ночей крупная разведывательная группа белых, пройдя незаметно болотом в промежутке между 22-м и 23-м полками, попыталась внезапным налетом захватить деревню Слуцкую, где размещался штаб 23-го Верхнекамского полка. Но эта группа была обнаружена на подходах к деревне Слуцкой, и мы смогли своевременно подготовиться к встрече непрошенных гостей. Бой длился недолго. Разведчики белых были загнаны в трясину болота и тут уничтожены. Это была последняя попытка 1-й Пермской дивизии насолить нам.

Вскоре командование Особой бригады перегруппировало свои войска: 23-й Верхнекамский полк был выведен в армейский резерв, а 22-й Кизеловский получил приказ о наступлении на Залазнинский завод.

На рассвете 11 мая кизеловцы неожиданным ударом сломили сопротивление колчаковцев и заняли Залазнинский завод. После этого белые в панике бежали до села Афанасьевского.

Перед Камой кизеловцев сменил 61-й Рыбинский полк. На правом берегу Камы он был сильно потрепан и на помощь ему послали 23-й Верхнекамский полк. Форсировав реку у села Афанасьевского, верхнекамцы вместе с рыбинцами устремились по правому берегу реки Камы на юг, намереваясь между станциями Кез и Верецагино перерезать железную дорогу Пермь—Вятка.

В это время части белых, действовавшие по линии железной дороги, потеснили 29-ю дивизию. Но, почувствовав в своем тылу угрозу от наступающей группы рыбинцев и верхнекамцев, белые приостановили наступление, решив сначала ликвидировать опасную для них нашу группу. В село Городинское, возле которого мы уже дрались, были направлены лучшие ударные части белых—егерские отдельные батальоны. В ожесточенных встречных боях с нами егеря потеряли половину своего состава и перешли к обороне.

Скоро части 29-й дивизии перешли в наступление и вновь заняли город Глазов.

Особая бригада двигалась севернее железной дороги, форсировала второй раз Каму возле Добрянского завода и

успешно продолжала свое движение на восток. В районе Верхне-Чусовских Городков кизеловцы и верхнекамцы в упорных боях разгромили морскую бригаду белых. За счет этой бригады 22-й и 23-й полки пополнились винтовками, английскими пулеметами и средствами связи. Только теперь эти полки были по-настоящему вооружены.

11 июля части Особой бригады заняли станцию Калино. В этот же день 21-й Мусульманский полк ворвался в Чусовскую. 22-й и 23-й полки, двигавшиеся параллельно Мусульманскому полку, встретили в районе Кусье-Александровского завода упорное сопротивление двух штурмовых бригад белых. В ожесточенном бою эти штурмовые бригады были разбиты, а один командир бригады был взят в плен вместе с остатками своих штурмовиков.

Разбитые части белых отступали так поспешно, что побросали обозы и материальную часть. Тракт от Кусье-Александровского завода до завода Бисер, как вспоминает комбриг Особой Васильев, был так забит повозками, что даже конные пробирались с трудом.

Двигаясь по пятам разбитого противника, верхнекамцы и кизеловцы заняли Кушву, Нижний Тагил, Алапаевск, заводы Баранчихинские, Лайские, крупную узловую станцию Егоршино. Жители освобожденных городов и деревень, испытав на себе «прелести» «свободной» жизни под властью белых, с радостью встречали части Красной Армии.

В селе Талица 15 августа наши полки влились во вновь созданную 51-ю дивизию (позднее названную Перекопской), которая была сформирована из частей Особой бригады, крепостных Вятских полков и Северно-экспедиционного отряда, командиром этой дивизии был назначен крупный военный руководитель, первый кавалер ордена Красного Знамени В. К. Блюхер.

Верхнекамский и Кизеловский полки явились прочным ядром 51-й дивизии. У этих полков было свое мощное оружие, которого не было у противника—это ясное сознание того, за что они дрались. Приказом Реввоенсовета республики за № 420 от 30 августа 1920 года за отличие в боях с врагами социалистического отечества оба эти полка были награждены почетными революционными Красными знаменами.

СОДЕРЖАНИЕ

Обстановка на фронте 3-й армии	3
Нож в спину	4
К своим	7
Возникновение 22-го Кизеловского стрелкового полка	9
Рождение 23-го Верхнекамского полка	12
Отход	14
Кулацкое восстание в Юрле	15
Новый комиссар полка	17
Перелом	19
Ликвидация прорыва на участке 29-й дивизии	23
Сборона под Залазной	25
Кто оказался хитрее	26
Перелом в настроениях крестьянства	28
Наступление	28

Степан Герасимович Пичугов
ВЕРХНЕКАМСКИЙ ПОЛК

Редактор О. К. Селянкин
Худож. редактор М. В. Тарасова
Художник А. Н. Тумбасов
Техн. редактор А. М. Сычкин
Корректор В. Ф. Сукманов

Подписано к печати 5/XI-1958 г.

Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$ — 0,5 бум. л., 2 печ. л.

ЛБ01559

Тираж 2000 экз.

Уч.-изд 1,7 л.

Цена 40 к.

г. Березники, тип. Пермского облнолиграфиздата

50-00

Цена 40 коп.